

**Подруга юности Любви Полищук
Алла Табанакова: "Перекинувшись
парой нецензурных фраз,
мы смеялись, потому что слышали
не мат, а эмоции".**

ЛЮБОВЬ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

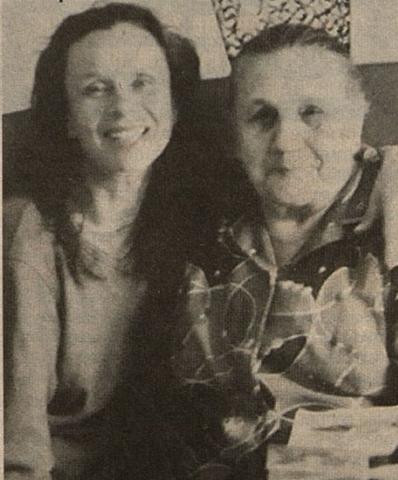
Вчера Москва простилась с актрисой Любовью Полищук. Любимую актрису миллионов россиян похоронили на Троекуровском кладбище. Земля с ее могилы будет доставлена на ее родину, в Омск. В город, где Люба росла в бараке заводского района, где в местной филармонии попробовала свои силы на сцене. Репортер "МК" разыскал тех, кто знал ее в Омске не только как актрису, но и как смешливую сокурсницу и бесшабашную подругу.

(Окончание на 14-й стр.)

ПАМЯТЬ

Люба часто приезжала к матери в Омск, да и в Москву забирала погостить.

ЛЮБОВЬ

ДЛИННОЮ
В ЖИЗНЬ

Первый муж актрисы — Валерий Макаров страшно ревновал ее, и не только к профессии. Расшатанные отношения завершились разводом.

— Мужчины вокруг падали штабелями?

— Любу мужская братия побаивалась. Она была высокая, резкая, иногда грубоватая. Могла с ходу отшить. Но с теми людьми, кто ей нравился, она была просто душкой. Мне, например, с ней всегда было очень легко. Я была матерщинница, и она от меня не отставала. Люба не была ханжой. С чопорными людьми ей было скучно. Долгое время она дружила с выходцами из провинции: сестрами Пичугинными из Гусь-Хрустального и Люсей Адаменко, приехавшей из Омска.

— В те годы у Любовы были романы?

— Один. Но какие искры летели! Позже Люба мне признавалась: "Только с Сережей Сандуленко я узнала, что такое страсть!" Цыган Сандуленко был необыкновенно хорош. Мало кто знал, насколько Люба была с ним счастлива и несчастлива... Каждый понимал: их союз обречен. Сандуленко был из богатой цыганской семьи и, что страшнее, обручен с цыганкой из знатного рода, а послушаться родителей он не мог. Я знала, что к Любе в гримерку приходил для серьезного разговора цыганский барон. Только близкие подруги знали, как Люба переживала и чего ей стоил разрыв с любимым. Тогда она просто неистовствовала на сцене. Никто из зрителей не догадывался, какой пожар горит у нее внутри.

— Личная жизнь в 80-е годы так и осталась у нее неустроенной?

— Люба говорила: "Сгорела!" Одно время она признавалась, что за ней ходит по пятам Гафт. Валентин красиво ухаживал. Она восторгалась им как актером, уважала как порядочного человека, но огонек в душе так и не загорелся. На том они с Валентином и расстались.

Люба продолжала мыкаться по чужим углам, одно время снимала комнату в большой коммунальной квартире. Это был настоящий клоповник. Удивляло, что все соседские кошки ошивались в комнате у Любы. Она считала копейки, но все-таки умудрялась всех усатых периодически одаривать рыбой.

Настоящее удовольствие она получала в те годы только от игры на сцене. А как в компаниях блистала! За столом всегда верховодила, была тамадой. Анекдоты в лицах так рассказывала, что многие сползали от смеха под стол. Но комфортно себя чувствовала только в кругу друзей, когда можно было расслабиться.

— Из-за резких высказываний на нее не обижались?

Любовь Полищук носила в молодости короткую стрижку.

— Даже что-то хлесткое Люба говорила с такой непосредственностью, с таким добродушным выражением лица, что обижаться на нее было невозможно. Например, наша общая подруга Люся Адаменко работала "женщиной-каучуком" — гнулась в разных позах на сцене. Бывало, Люба ей за кулисами кричала: "Люська, ты что, все детство просидела на пороховой бочке?" У Адаменко были кривые ноги. Но Люба и себя не щадила. Люба была красавицей, но у нее был один недостаток. Люба бы поправила — "четыре!". У нее были очень крупные кисти рук и ступни. Сапоги она носила 42-го размера, а у кофточек все время подтягивала рукава. Но особенно она по этому поводу не комплексовала, часто говорила, смеясь: "Не руки, а грабли, не ноги, а лапы!". И очень любила носить каблуки.

— А подругой была хорошей?

— Отменной. Никогда не завидовала чужой красоте. Любила окружать себя видными подругами, для которых была готова броситься хоть в огонь, хоть в воду. Однажды я усомнилась в верности своего молодого человека. Любка тут же предложила: "Давай устроим засаду". Был мороз. Недолго думая, она нацепила на себя белый тулуп и ринулась прятаться в сугроб. Вот мы с ней сидим в снегу и давай над своей дурью смеяться. Через полчаса вылезли, махнули рукой: "К черту мужиков, в которых сомневаласьсь!" Любили наведаться в Дом актера. Сидели, эстетствовали, пили шампанское, а потом, бывало, глубокой ночью отправлялись домой на снегоуборочной машине.

— Но выйдя замуж за скульптора Сергея Цигала, Люба остепенилась?

— Успокоилась, расцвела. В кои-то веки ей не нужно было думать о квартире, о том, что старые сапоги прохудились... Она столько в жизни хлебнула, что заслужила это тихое семейное счастье. Они с Сережей тут же забрали сына Лешку из интерната, где он вынужден был жить и учиться из-за постоянных гастролей Любы. Муж очень хорошо повлиял на Любу. Раньше она никогда не была хорошей хозяйкой. Со стряпней тоже не любила возиться, готовила, что попроще. А в браке с Цигалем увлеклась кулинарией. В доме у нее появились комнатные цветы. И родившейся дочке Маше отдавала много сил. Сергей открыл в Любе женственность. Она стала мягче, улыбчивее.

— А как сложилась жизнь первого мужа Любы Валеры?

— Началась перестройка, несмотря на тяжелое время, друзья помогли Валере издать сборник стихов. Но и это не помогло. Пессимистические настроения одолевали Валеру, он запил. Как-то я встретила его на улице, еле узнала. Навстречу мне шел одутловатый мужчина с "лицом-мочалкой". Когда я рассказала Любе по телефону о встрече, она отмахнулась: "Валера — черное пятно в моей жизни". Он так и не нашел себя. Умер совсем молодым.

Люба с подругами стала реже перезваниваться. Она много работала, в Омск приезжала лишь дня на 2—3.

— Особенно мне запомнилась наша встреча лет 6 назад, Любка тогда прикатила к нам с антрепризой, где участвовали кроме нее Безруков и Щербakov. Ворвалась ко мне в кабинет, тут же с порога закричала: "Ну и рожа у тебя, Шарapов!" А я действительно выглядела неважно. Сама Люба просто цвела. Тут же без обиняков выложила: "Сделала пластику". И мою внешность обещала подправить. При этом юморил: "Тут поможет только обрезание!" Укатила так же внезапно, как появилась. Потом я узнала, что она заболела. Позвонила Любе как-то, она обрадовалась, но я чувствовала, что отвечает она с усилием. Еле расслышала: "Алюня, позвони мне попозже, я с силами соберусь". Уже тогда я поняла, что из нее уходит жизнь.

Светлана САМОДЕЛОВА,
Омск—Москва.

Всегда веселый и гостеприимный дом Маргариты Эскиной сегодня странен и словно бы пуст (хотя каждый сантиметр — люди да цветы, цветы да люди). Будто сам дом не понимает сути происходящего...

"Я ЖИТЬ
ХОЧУ!"

Москва поклонилась Любове Полищук

10 утра. Сергей Цигаль (муж Любы) пытается участвовать до конца в организации прощения: вот кто-то входит в пальто — да, разумеется, всех раздеть невозможно. Ну, хорошо — поставьте в проходе вешалку... Интеллигентность до конца. Родственница Сергея протискивается к какой-то женщине, сидящей на первых рядах. "Давай срочно — 15 капель валерианы и 15 пустыряника. Это маме Любы..." Да и вообще, едва ли не первыми в зал вошли трое служащих "скорой" с тремя ярко-красными чемоданчиками. Мало ли что. Ведь как сказал кто-то — "здесь пройдет вся страна". И она прошла: Калгягин, Меньшов (на фото внизу), Швыдкой, Якубович, Угольников, Кобзон... И все говорят одно: "Как же так? Как это возможно? И разве это справедливо? Женщина-клоун, женщина-карнавал!" Режиссер Левитин, худрук театра "Эрмитаж".

— С уходом Любы — нет куража на российском прострастве. За две недели до сегодняшнего дня я понял, что с нею происходит что-то серьезное. Нет-нет, не думал, что смертельное... И я предложил Любе: если тебе трудно ходить, я буду носить тебя по сцене — будешь играть Гурмыжскую в "Лесе"... И она не своим голосом ответила: позвони через две недели...

Многие из тех "простых людей", кто проходил по сцене, хотели потом остаться в зале, послушать. Полюбоваться прекрасным портретом. Но увы, возможности зала этого не позволяли... "Только для родственников". — "Да я Сережу Цигала с детства знаю!" — "Вы видите: нет места... Кто-то шептался в зале: "Почему здесь, а не в Доме кино?", "Почему хоронят на Троекуровском?". Любе это все равно.

Иосиф Кобзон: "Дорогая Любаня... Я как никто другой в твоей трагедии понимал тебя. Старался найти нужные слова. Но ты всегда отвечала — пока могла отвечать, — что ничего не боишься. Люба была обречена. Мой последний разговор с нею был для меня трагическим. Поэтому что я пытался с нею говорить ее интонациями, ее языком... Сказал ей: "Любанька, держись! Все будет хорошо!" И вдруг она в какой-то истерике произнесла фразу: "Иосиф, я жить хочу!" И я понял, что она прощается с нами..."

Ян СМЕРНИЦКИЙ.